

Глава 1

Эмили разбудила темнота. Она была такой плотной, что глазу не за что было зацепиться. Словно живое существо, тьма напирала на неё со всех сторон. Это было странно! Перед тем, как отправляться в постель, Эмили обычно следила, чтобы шторы на окнах были приоткрыты. И сейчас она могла бы поспорить на что угодно, что Софи опять тайком их задёрнула — её младшая сестра постоянно боялась, что в комнату проберутся страшные чудовища. Вампиры. Монстры. Или другие жуткие существа, о которых она читала в книгах. И не сказать, чтобы Эмили самой эти страхи были чужды. Но ей ведь уже тринадцать! Она уже не ребёнок, а значит не должна проявлять слабость и верить всерьёз во все эти химеры. Но при одной мысли о возможном появлении таких страшилищ в их комнате девочку бросало в дрожь: вот пусть бы они обитали там, снаружи — за оконным стеклом...

А сейчас ей очень нужен был свет. Немедленно. Эмили решительно села — и ударилась лбом обо

водой. У него было сухое тельце в синей униформе, широкий рот, нос картошкой и большие ярко-синие глаза. На голове красовалась кепка, которая опиралась на длинные оттопыренные уши и всё равно бы непременно упала, если бы владелец не поддерживал её одной рукой. В другой он держал картонку с информацией, напоминающую не то гигантскую визитную карточку, не то медицинскую карту, размером она была едва ли не такой же, как и он сам.

— Прошу прощения, — произнёс свето-гном, — я опоздал. Не думал, что ты появишься уже сегодня, обычно это длится дольше, до... Впрочем, всё как всегда. Но теперь я тут, и мы можем...

— Кто ты такой, чёрт подери? — вырвалось у Эмили. Она поняла, что звук её собственного голоса прогнал страх. Ей всё это снится или она постепенно теряет рассудок? Только бы не поддаться панике! Но, может быть, это странное существо прольёт свет на происходящее?

Гном, однако, смотрел на неё почти обиженно.

— Меня зовут Козимо, — ответил он так, словно она должна была это знать, и с некоторой гордостью разгладил униформу. — Я официально аттестованный проводник в третьем поколении, уполномоченный приветствовать и регистрировать вновь прибывших. Непривычно для Одержимого, я знаю. Но каков был бы мир, не будь в нём хотя бы немного непривычного?

Его смех звучал, как перестук крошечных камешков на морском берегу, и произвольно вызвал у Эмили улыбку.

Рафаэль вздохнул:

— Козимо должен был объяснить тебе это. Обычно он это делает, но, очевидно, не успел. Он старается, но иногда перегружен множеством заданий, особенно после того, как взялся за регистрацию вновь прибывающих. Но он ведь дал мне твою карточку. Давай посмотрим, что с тобой произошло. — Рафаэль посмотрел в её регистрационную карту. И с удивлением поднял глаза. — Эмили Бонс? Необычное имя.

Эмили усмехнулась:

— Оно происходит от необычного человека. Мой отец был шотландцем.

— А-а-а, понимаю. И если всё, что рассказывают о шотландцах, правда, то ты здесь справишься. На этом кладбище надо иметь определённое упрямство. И любить приключения! — Рафаэль улыбнулся, затем вновь заглянул в её карту. — Эмили Бонс, — повторил он, — родилась тринадцать лет назад, умерла в канун Хэллоуина ночью, причина смерти...

Улыбка исчезла с его лица так быстро, что Эмили привстала.

— Что случилось? — нервно спросила она.

— Причина смерти приводится сокращённо, тут просто заглавные буквы, — ответил он, не отрывая взгляда от карты. — «И» — сердечный приступ, «П» — почечная недостаточность, «С» — суицид и так далее. И на твоей карте стоит большая буква «У».

Эмили пожала плечами:

— И что она означает?

Рафаэль внимательно посмотрел на неё. Глаза его

Глава 4

Лунный свет проникал сквозь витражи и, играя, рисовал на полу орнаменты из цветных отсветов и теней. Эти рисунки скользнули по мраморному столу, что стоял в центре помещения, и наконец упали на лицо Эмили. Девочка прикорнула на каменной скамье и с тоской посмотрела в тёмное окно. Этот маленький домик с башенками на крыше и выкрашенной в синий цвет входной дверью был её новым убежищем. Он выглядел даже живописно, уютно разместившись между старыми деревьями. Но правда оставалась безжалостной: на цветном окошке была решётка, а часть стёкол уже давно разбилась. Стол был не столом, а саркофагом. И домик не без основания имел только одну комнату — это была усыпальница.

Эмили со вздохом посмотрела на саркофаг. Кости в нём принадлежали знатному господину, который мирно почил в возрасте 97 лет — спору нет, в весьма благословенном возрасте. Козимо заверил её, что

В его глазах на мгновение вспыхнула озорная искорка, словно он хотел предложить ей пари.

— Всё в порядке, — пророкотал он. — Ты была искренна со мной, а теперь я скажу тебе правду. Но с одной-единственной целью — чтобы ты наконец поняла, насколько неосуществимы твои планы. И есть условие.

— Какое же?

— Ты должна мне пообещать, — ответил Козимо, — что больше не будешь так легкомысленно, как сегодня, подвергать себя опасности.

Эмили улыбнулась ещё шире.

Козимо, казалось, размышляя, стоит ли ему ввязываться в дискуссию. Затем поднял глаза.

— Эх, люди, — вздохнул он и провёл рукой по волосам, словно они отвечали за упрямство его подопечной. — Иди за мной, только очень тихо. Если они нас поймают, нас обоих бросят в темницу. А это не место для Одержимого, впрочем, для сумасбродной девочки-духа — тем более!

Он ещё раз бросил взгляд на домик привратника, словно опасаясь, что оборотень всё ещё наблюдает за ними. Затем повернулся и полетел прочь, петляя между деревьями. Эмили не медлила ни секунды. Она как можно тише соскользнула с могильной плиты и поспешила в темноту — вслед за Одержимым.

заполучить. И тогда уже будет безразлично, кому я позволю себя поймать — ему или моему собственному страху.

На какое-то мгновение ей почудилось, что Козимо разрушится посреди своего светового шара так же, как иллюзия Белого Воина. У него было такое лицо, словно на его плечи легло всё горе мира, но сразу после этого его лицо осветила сияющая улыбка.

— Так-так, — сказал он и кивнул в знак одобрения. — Кто бы мог подумать, что найдётся ещё кто-нибудь, кто будет ещё твердолобее, чем я сам. Спасибо, Господи, ничего иного я и не ожидал.

Эмили подняла брови:

— Значит ли это...

— ...что я знал, как ты будешь реагировать? — закончил он её фразу. — Ну да. Я надеялся на это. Во всяком случае, втайне.

Эмили ничего не могла с собой поделаться — рот у неё открылся от удивления.

— Но ты ведь всё время пытался меня отговорить, — вырвалось у девочки громче, чем ей бы хотелось. — Перед воротами Манфреда и...

— Конечно, — ответил он. — И всё получилось хорошо. Манфред, конечно, переработал бы тебя на мясо, если бы ты попыталась выскользнуть наружу. Что касается всего остального... — это было своего рода проверкой. В конце концов, я должен быть уверен, что ты знаешь, на что идёшь. Обнадёживать и вводить в заблуждение юную особу — помилуйте, мадмуазель!..

Пару часов назад она довольно долго раздумывала над тем, стоит ли рискнуть покинуть кладбище, и в итоге решилась. Теперь времени и сил на сомнения и страх не осталось.

С этой мыслью Эмили отправилась в путь. Она отлично знала дорогу, поскольку ходила по ней бесчисленное множество раз — когда ещё была жива.

«Когда ещё была жива», — пронеслось в её голове. *Словно это было сто лет назад.*

Козимо был рядом. Он приглушил свет, опасаясь, видимо, что какой-нибудь бездомный, растянувшийся на скамейке, заметит его, и постоянно недоверчиво оглядывался через плечо. Эмили, напротив, вообще не смотрела назад. Она старалась как можно быстрее бежать по дорожкам через подлесок и остановилась, только когда парк остался за спиной и её глазам открылась совершенно другая картина. Перед нею лежал Париж — город света.

Воздух был наполнен гулом и грохотом уличного движения, который полностью вытеснил из сознания Эмили тишину кладбища.

Она готова была кричать от радости, плакать и смеяться, воодушевлённая знакомым шумом большого города, по которому так стосковалась. События последних дней показались ей просто сном. Переполненная радостью, бросилась она навстречу первым прохожим, которые спешили к станции метро. Она соскучилась по человеческой улыбке, по *той живой* улыбке, на которую хотелось ответить такой